

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ

Предисловие издателя

В настоящей книге взрослый читатель не найдет для себя ничего нового о Пушкине. Ее цель — служить для юношества началом знакомства с великим русским поэтом. С этою целию в ней рассказана: а) жизнь поэта, по существующим ныне печатным материалам, причем составитель отдавал предпочтение фактам, рельефно представляющим трудолюбивую, благородную и могучую личность Пушкина; б) представлен краткий очерк произведений Пушкина и в) помещено в «Приложении» несколько мелких стихотворений и отрывки из поэм Пушкина, выбранных, разумеется, согласно назначению книги.

Таким образом составленная, книга о Пушкине, по нашему мнению, может служить полезным и занимательным чтением русского юношества как мужеского, так и женского полов.

Из всего вышесказанного видно, что издатель имел в виду детей. И, однако ж, книга не названа детскою. Это сделано не без намерения. Кто потрудится перенестись мыслию к собственному детству и отрочеству, тот, верно, вспомнит, как в то время хотелось ему казаться *большим* и как отталкивало его одно название *детский*. Нам случалось видеть детей, особенно в поре перехода к отрочеству, которые именно поэтому не читали хороших книг, тогда как с жадностию бросались на книги сомнительного достоинства, лишь бы на них не стояло: *для детей*.

Итак, мы думаем, что родители и наставники, которые, приобретя нашу книгу, вырвут из нее этот листок прежде, чем отдадут ее в руки своим питомцам, поступят весьма благоразумно: они придадут ей в глазах своих питомцев двойной интерес¹.

К изданию нашему приложен портрет Пушкина. Это один из двух лучших портретов, оставшихся после Пушкина: он рисован с натуры А. Брюлловым, гравирован на стали в Лондоне и первоначально был приложен к «Ста русским литераторам».

СПБ. 1856. Июнь.

ГЛАВА I

Значение слов «великий поэт». — Кто имеет право быть назван образованным человеком. — Общее значение литературы в деле образования и изящной в особенности. — Место, занимаемое Пушкиным в нашей изящной литературе.

«Пушкин — великий поэт», говорит каждый из нас, и эти слова так важны, что надобно постараться как можно лучше вникнуть в смысл их и объяснить себе: что такое значит «великий поэт»? почему великие поэты пользуются общим глубоким уважением? и почему Пушкина все считают великим поэтом?

Объяснив себе это, мы увидим, как необходимо каждому из нас ближе познакомиться с жизнью Пушкина и его сочинениями.

Не нужно доказывать, что образование — самое великое благо для человека. Без образования люди и грубы, и бедны, и несчастны. Чтобы убедиться в этом, стоит только припомнить рассказы путешественников о дикарях. Краснокожие индейцы жили и отчасти еще живут в тех же самых землях, которые заняты теперь Северо-Американскими Штатами: посмотрите же, какая разница между краснокожими, малочисленными, нуждающимися во всем необходимом для жизни, и многочисленными, богатыми, имеющими все в изобилии северо-американцами! И отчего вся эта разница? Только оттого, что северо-американцы — народ образованный, а краснокожие туземцы — дикари. Другой пример, более близкий к нам: Россия теперь государство могущественное и богатое, потому что русские, благодаря Петру Великому, стали народом образованным; а всего только пятьсот лет тому назад русские были угнетаемы и разоряемы татарами, потому что были еще мало образованны.

Но не довольно того, что просвещение приносит народу и благосостояние, и могущество: оно доставляет человеку такое душевное наслаждение, с которым ничто не может сравниться. Каждый образованный человек чувствует это и всегда скажет, что без образования жизнь его была бы очень скучна и жалка.

Теперь будет совершенно ясно, как важна для всеобщего блага литература, если мы скажем, что из всех средств для распространения образованности самое сильное — литература. Народ, у которого нет литературы, груб и невежествен; чем более и усиливается и совершенствуется, или, как принято говорить, развивается литература, тем образованнее и лучше становится народ.

Образованным человеком называется тот, кто приобрел много знаний и, кроме того, привык быстро и верно соображать, что хорошо и что дурно, что справедливо и что несправедливо, или, как выражаются одним словом, привык «мыслить», и, на-

конец, у кого понятия и чувства получили благородное и возвышенное направление, то есть приобрели сильную любовь ко всему доброму и прекрасному. Все эти три качества — обширные знания, привычка мыслить и благородство чувств — необходимы для того, чтобы человек был образованным в полном смысле слова. У кого мало познаний, тот невежда; у кого ум не привык мыслить, тот груб или тупоумен; у кого нет благородных чувств, тот человек дурной.

В детстве, в первую пору молодости человек учится в школах: уроки наставников имеют ту цель, чтобы сделать юношу образованным человеком. Но когда он выходит из школы, перестает учиться, его образование поддерживается и совершенствуется чтением, то есть, вместо прежних наставников, которых слушал мальчик и юноша, взрослый человек имеет одну наставницу — литературу.

Чтоб исполнить, как должно, свою великую обязанность — быть руководительницею людей на пути образования, литература, как мы уже знаем, должна давать ему различные знания, развивать в нем привычку мыслить и поддерживать в нем любовь ко всему прекрасному и доброму. Каждая хорошая книга до некоторой степени исполняет все эти условия; но некоторые книги имеют главною своею целью сообщать уму читателя различные познания — это книги, принадлежащие к так называемой ученой литературе, например, сочинения по истории, по естественным наукам и пр.; другие книги пишутся с тем намерением, чтобы действовать главным образом на воображение и сердце читателя, возбуждая в нем сочувствие к доброму и прекрасному, — это книги, принадлежащие к так называемой изящной литературе. Между полезными действиями, какие производят на читателя книги того и другого рода, есть очень много общего; особенно сходны все хорошие книги в том, что непременно возбуждают в читателе желание думать о том, что справедливо, прекрасно и полезно для людей. Сходны они между собою и в том, что хорошая ученая книга, действуя более всего на ум, действует также и на сердце, а произведения изящной литературы, преимущественно обращаясь к сердцу читателя, в то же время не остаются бесполезны и для его ума, которому сообщают верные понятия о человеческой жизни. Но, несмотря на это значительное сходство, изящная литература очень резко отличается от ученой. Одну сторону этого различия мы уже знаем: главная цель ученых сочинений, как мы сказали, та, чтобы сообщить точные сведения по какой-нибудь науке, а сущность произведений изящной словесности — в том, что они действуют на воображение и должны возбуждать в читателе благородные понятия и чувства. Другое различие состоит в том, что в ученых сочинениях излагаются события, происходившие на самом деле, и описываются предметы, также на самом деле существующие или существовавшие

шие; а произведения изящной словесности описывают и рассказывают нам в живых примерах, как чувствуют и как поступают люди в различных обстоятельствах, и примеры эти большею частию создаются воображением самого писателя. Коротко можно выразить это различие в следующих словах: ученое сочинение рассказывает, что именно было или есть, а произведение изящной литературы рассказывает, как всегда или обыкновенно бывает на свете.

Довольно нам и этих двух замечаний, чтобы видеть, до какой степени изящная литература различна от ученой, хотя есть у них и много общего.

Можно теперь спросить: которая же из двух отраслей литературы важнее? которая больше приносит пользы людям? которая больше содействует распространению и усовершенствованию просвещения? На это образованный человек будет отвечать: обе они равно важны, равно полезны людям. Ученая литература спасает людей от невежества, а изящная — от грубости и пошлости; то и другое дело одинаково благотворны и необходимы для истинного просвещения и для счастья людей.

Теперь надобно только сказать, что хорошие писатели по части изящной литературы называются поэтами, и мы поймем, какой высокий смысл заключается в этом слове. Поэты — руководители людей к благородному понятию о жизни и к благородному образу чувств: читая их произведения, мы приучаемся отвращаться от всего пошлого и дурного, понимать очаровательность всего доброго и прекрасного, любить все благородное; читая их, мы сами делаемся лучше, добрее, благороднее*.

И если Пушкин в самом деле великий поэт, то нельзя не согласиться, что он один из тех людей, которые сделали наиболее добра своим соотечественникам, один из тех людей, которых каждый русский наиболее обязан уважать и любить.

Это в самом деле так. Мы знаем теперь, что от литературы очень много зависит просвещение народа и что без просвещения нет для людей истинного счастья; нам надобно только узнать, какое важное место в нашей изящной литературе занимает Пушкин и как многим она ему обязана, — и мы увидим, что его, по всей справедливости, надобно называть великим поэтом и что каждый из нас должен почитать его человеком, сделавшим очень много добра нашей родине.

* Прежде называли поэтами только стихотворцев, а поэзию только одни стихи. Теперь поняли, что поэтическими произведениями должно называть все хорошие сочинения по части изящной литературы, все равно стихами ли они писаны или прозою. Впрочем, до сих пор «поэтами» называют в особенности тех писателей, у которых особенно много или воображения, или душевной теплоты; те произведения изящной словесности, в которых холодный рассудок преобладает над воображением и теплотою чувства, не принято называть «поэтическими».

Изящная литература появилась у нас лет за восемьдесят до Пушкина, вскоре после благодетельных преобразований Петра Великого, познакомившего русских с просвещенными народами *. Но известно, что почти каждое дело достигает своей настоящей важности медленно. То, что оказывается очень важно впоследствии, сначала бывает маловажно. Так было с нашей словесностью. Число людей, привыкших к чтению, было в то время очень мало, да и людей, знавших грамоту, было немного. Главная заслуга Ломоносова и писателей, следовавших за ним до начала нынешнего века, состояла в том, что они своими произведениями возбуждали охоту к чтению и мало-помалу увеличивали число людей, интересующихся литературою. Из этих писателей, о которых мы всегда должны вспоминать с особым уважением, самыми замечательными, после Ломоносова, были Державин, Фонвизин и Карамзин. Не менее пользы принес литературе Новиков, хотя не был знаменит, как писатель. Державин славился своими стихотворениями (одами), Фонвизин написал две прекрасные комедии («Бригадир» и «Недоросль»). Новиков чрезвычайно много и успешно заботился об увеличении числа книг и распространении круга читателей в России: благодаря его бескорыстным усилиям было издано в пять или шесть лет более книг, нежели прежде было напечатано в пятьдесят; наконец, один из молодых людей, которым покровительствовал Новиков в начале их литературного поприща, обнаружил очень замечательный талант. Это был Карамзин, после Ломоносова второй основатель нашей изящной литературы. Его произведения, написанные очень хорошим и легким языком, читались с таким удовольствием, какого прежде не возбуждали прозаические сочинения. Трудом этих людей образовалась в России «публика», то есть некоторая часть русского народа получила привычку находить в чтении наслаждение, без которого уже не могла обходиться. Тогда явился Жуковский, который приобрел славу прекрасными переводами английских и немецких стихотворений, особенно переводами многих произведений великого немецкого поэта Шиллера.

Таково было положение русской литературы, когда начал писать Пушкин. Публика уже существовала в России, но была еще немногочисленна; между писателями считалось несколько людей с замечательным талантом, но не было еще такого гения, который приводил бы читателей в восторг, который показал бы русской публике поэзию во всей ее очаровательной красоте. Это сделал Пушкин. И прежде него существовали на русском языке хорошие стихи; но когда явились произведения Пушкина, все увидели, что еще не имели понятия о том, как прекрасны могут быть русские стихи. В самом деле, до Пушкина еще никто не писал

* Первая ода Ломоносова, которого обыкновенно называют отцом нашей изящной словесности, была написана в 1739 году.

таким легким и живым языком, в котором соединялись и простота, и поэтическая прелесть; еще никто не умел придавать русскому стиху столько точности, выразительности и красоты. Все эти качества, в которых состоит так называемое «художественное совершенство» пушкинского стиха, очаровали публику и привлекали к чтению тысячи людей, которые прежде не имели привычки читать. Таким образом, число людей, составляющих публику — иначе сказать, число образованных людей в России — чрезвычайно увеличилось благодаря превосходным произведениям гениального поэта. Но этим не ограничиваются заслуги Пушкина. Сначала более всего поражены были читатели теми художественными достоинствами его стихотворений и поэм, о которых мы уже сказали. Но мало-помалу все начали увлекаться и другим качеством этих произведений. Это важнейшее качество состояло в том, что Пушкин первый стал описывать русские нравы и жизнь различных сословий русского народа с удивительною верностью и проницательностью. До него почти не имели об этом понятия. Прежние писатели редко избирали предметом своих рассказов русскую жизнь, а если и делали это, то описывали ее неточно и неестественно. Исключением из этого можно назвать почти только одни комедии Фонвизина и басни Крылова. Но Фонвизин не мог увлечь за собою других писателей и был почти забыт в то время, когда явился Пушкин. Басни Крылова также не имели большого влияния на литературу, потому что басня вообще никогда не приобретает господства над другими, более значительными отраслями поэзии. Таким образом, несмотря на примеры, поданные Фонвизиним и Крыловым, в произведениях почти всех остальных тогдашних писателей было очень мало близкого к русскому обществу; потому и литература вообще возбуждала мало сочувствия в обществе, которое не находило в ней почти ничего такого, что живым образом интересовало бы русского человека *. Теперь не то: если хорошие книги являются все еще не очень часто, можно сказать, редко, зато каждая из них возбуждает в тысячах, в десятках тысяч людей самое живое участие. Припомните, например, какой сильный интерес во всем обществе обнаружился недавно по случаю новых изданий Гоголя и самого Пушкина: каждый человек, которого вы встречали в обществе, говорил о появлении этих книг с таким жаром, с такою любовью, с такою радостью, как будто дело лично касалось его самого. И действительно, оно касалось каж-

* Не надобно забывать, что мы говорим собственно только об изящной литературе. В числе ученых сочинений всегда были книги очень интересные. Но круг публики, читающей ученые книги, всегда бывает гораздо меньшее той публики, которая читает почти исключительно только произведения изящной словесности; изящная словесность, между прочим, необыкновенно важна и потому, что именно она привлекает к чтению и распространяет в обществе любовь к книгам, т. е. к просвещению.

дого из нас, потому что мы все находим высокое наслаждение и большую пользу в чтении подобных книг, говорящих о предметах, важных каждому образованному русскому. Этим распространением сочувствия к литературе общество наше обязано Пушкину более, нежели кому-нибудь. До него книги интересовали из десяти человек одного; ныне из десяти человек разве один какой-нибудь полуневежда не интересуется литературой*.

Влияние Пушкина на литературу было так же сильно, как и впечатление, произведенное им в публике. До него, как мы сказали, наши поэты писали по большей части о предметах, не интересных для русского читателя. После него все талантливые литераторы начали писать в таком же роде, как и он, т. е. говорить большею частью о предметах, которые близко касаются нас самих и представляют большую занимательность для образованного русского человека.

Таким образом, Пушкин произвел своими сочинениями в нашей литературе важное изменение к лучшему, значительно увеличил число любящих литературу, то есть образованных людей в России, и, кроме этих великих услуг нашему обществу, доставил русской публике очаровательную прелесть своих произведений: высокие поэтические, то есть благородные, наслаждения. Ко всему этому надобно еще прибавить, что он первый научил русское общество так уважать литературу и талантливых писателей, как уважаем мы их теперь. И прежде некоторые писатели пользовались в обществе большим почтением — например, Державин и Карамзин — но, вообще говоря, публика смотрела на них с уважением не столько потому, что сама чувствовала, какой сильной любви и признательности заслуживает хороший писатель, сколько потому, что видела милости, которые оказываются Державину и Карамзину. Но Пушкина каждый русский читатель сам любил и уважал в глубине своего сердца, и каждый знал, за что его уважает — за то, что Пушкин великий поэт; и тут каждый понял то, чего не понимал прежде — понял, что великий поэт и вообще великий писатель есть человек, оказывающий большую услугу, делающий много добра своей родине, понял, что литература есть дело очень важное, полезное, заслуживающее величайшего уважения.

Вот как велика была польза, принесенная Пушкиным русской

* Вскоре после того, как явились первые поэмы Пушкина, сделалась известною значительной части публики превосходная комедия Грибоедова «Горе от ума», и Грибоедов должен разделять с Пушкиным славу преобразователя литературы. Но, несмотря на всю любовь к благородному автору этой комедии, несмотря на все великие достоинства ее, надобно сказать, что для истории нашей литературы и образования русской публики Пушкин еще важнее, нежели Грибоедов; потому что Грибоедов после «Горе от ума» не написал ничего, а чтобы иметь действие на публику и литературу, деятельность писателя должна быть продолжительна и сочинения его довольно многочисленны.

литературе и публике: он научил публику любить и уважать литературу, возбудил сильный интерес к ней в обществе, научил литератора писать о том, что интересно и полезно для русских читателей. Потому-то и справедливо считают его первым истинно великим русским поэтом, потому-то ни один образованный русский человек не может произносить его имени без глубокого почтения, без живой признательности.

ГЛАВА II

Рождение А. С. Пушкина. — Его фамильная гордость. — Род Пушкиных и Ганнибаловых. — Историческая деятельность тех и других. — Сергей Львович, отец поэта. — Василий Львович, дядя поэта. — Беседа любителей русского слова и Арзамас. — Комическое посвящение Василья Львовича в арзамасцы. — Марья Алексеевна Ганнибал, бабушка поэта. — Ольга Сергеевна, сестра Пушкина, и послание к ней четырнадцатилетнего поэта. — Арина Родионовна, няня А. С. Пушкина. — Ее влияние на питомца.

Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве 26 мая 1799 года.

Он чрезвычайно гордился тем, что происходит от фамилий, игравших довольно значительную роль в нашей истории, и дорожил памятью своих предков. Чувство это отразилось на многих его произведениях, и если мы не будем знать фамильных воспоминаний, которыми он гордился, то многое в его сочинениях останется для нас темным. Просмотрим же, хотя кратко, что нам известно о предках Пушкина.

Род Пушкиных, не принадлежа к числу особенно знатных или могущественных, с конца XVII века состоял на службе при дворе московских царей, и некоторые члены его успевали достигать почетных званий. Трое из них были даже боярами — сан, который по своей важности может быть сравнен с нынешними чинами полного генерала или действ. тайного советника. Гаврила Григорьевич Пушкин (в начале XVII века) известен тем, что один из первых между тогдашними сановниками перешел на сторону Аже-Дмитрия, и наш поэт дал своему предку значительную роль в исторической трагедии «Борис Годунов».

Гораздо чаще, нежели о предках по отцовской линии, Пушкин упоминает о предках своих со стороны матери, Ганнибаловых. Родоначальником этой фамилии был негр Ганнибал, любимец Петра Великого. Пушкин заботливо собирал все сведения о жизни этого Ганнибала и хотел написать полную его биографию, но не успел исполнить своего намерения и оставил нам только несколько строк о Ганнибале в статье «Родословная Пушкиных и Ганнибаловых».

«Дед моей матери, — говорит Пушкин, — был негр, сын вла-

детельного князька. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом, и отослал его Петру Великому вместе с двумя другими арапчаками. Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне, в 1707 году, с польскою королевою, супругою Августа, и дал ему фамилию Ганнибал. В крещении наименован он был Петром: но как он плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом. Старший брат его приезжал в Петербург, предлагая за него выкуп; но Петр оставил при себе своего крестника. До 1716 года Ганнибал находился неотлучно при особе государя, спал в его токарне, сопровождал его во всех походах; потом послан был в Париж, где несколько времени обучался в военном училище, вступил во французскую службу; во время испанской войны был ранен в голову и возвратился в Париж, где долгое время жил в рассеянии большого света. Петр Первый неоднократно призывал его к себе, но Ганнибал не торопился, отговариваясь под разными предлогами. Наконец государь написал ему, что он неволить его не намерен, что предоставляет его доброй воле возвратиться в Россию или оставаться во Франции, но что, во всяком случае, он никогда не оставит своего прежнего питомца. Тронутый Ганнибал немедленно отправился в Петербург. Государь выехал к нему навстречу и благословил образом Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но которого я не мог уже отыскать». На этих исторических данных основан превосходный рассказ, которым начинается неоконченный роман Пушкина «Арап Петра Великого». Главным действующим лицом романа, в котором, судя по началу, Пушкин превосходно изобразил бы эпоху Петра Великого, был избран Ганнибал. У Абрама Петровича было два сына. Старший, Иван Абрамович, известен тем, что в царствование Екатерины II участвовал в первой турецкой войне, находясь на флоте, действовавшем в Средиземном море; между прочим, Иван Абрамович отличился мужеством в Чесменской битве, где сожжен турецкий флот, и, в 1770 году, взял Наварин. Пушкин часто упоминает о нем в своих стихах, — например, в следующей заметке, которая одна была бы достаточна для того, чтобы сделать бессмертными имена Абрама Петровича и Ивана Абрамовича.

«Где-то было сказано, что прадед мой Абрам Петрович Ганнибал, крестник и воспитанник Петра Великого, генерал-аншеф, отец Ганнибала, покорившего Наварин, был куплен шкипером... Прадед мой если был куплен, то... достался шкиперу, коего имя всякий русский произносит не всуе:

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Корме родного корабля.
Сей шкипер деду был доступен,

И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царя наперсник, а не раб.
И был отец он Ганнибала,
Пред кем, средь гибельных пучин,
Громада кораблей вспылала
И пал впервые Наварин!

Брат наваринского героя, младший сын «Арапа Петра Великого», Осип Абрамович Ганнибал, был отец матери Пушкина, Надежды Осиповны. Южная живость характера была наследована Пушкиным от своего прадеда-африканца; даже черты его лица и курчавые волосы напоминали африканский тип его прадеда по матери.

Не зная этих подробностей, легко можно вообразить, что предки Пушкина играли необыкновенно важную роль в русской истории: так любит говорить о них наш поэт и так искусно намекает о их участии в важнейших событиях отечественной истории. На самом же деле род Пушкиных принадлежал к числу довольно старинных фамилий, но важного места в государстве никогда не занимал и славою своею обязан только таланту Александра Сергеевича Пушкина. Что касается до Абрама Петровича Ганнибада, то он был любим Петром Великим, как крестник, но также не пользовался влиянием на государственные дела; Иван Абрамович, сын его, был, как видим, храбрым генералом, но сражался, находясь под начальством других и не занимал никогда места с самостоятельной властью. Обоих этих людей мы знаем также преимущественно потому только, что о них упоминает Пушкин, а не потому, чтобы они заметным образом участвовали в исторических событиях. Познакомясь с предками Пушкина, перейдем к ближайшим его родственникам.

Сергей Львович Пушкин, отец поэта, сначала служил в гвардейском Измайловском полку, но вскоре после женитьбы вышел в отставку и поселился в Москве, откуда на лето все семейство уезжало в свою подмосковную деревню, Захарьино. Богатый и гостеприимный дом Сергея Львовича был часто посещаем лучшими тогдашними писателями, потому что хозяин был человек образованный и любивший литературу, особенно, по обычаю того века, французскую. Сергей Львович даже сочинял французские стихи, легкие и остроумные. Самыми частыми гостями его бывали Карамзин и Дмитриев; Жуковский и Батюшков также посещали его. Александр Сергеевич был еще так молод в то время, что этим беседам в доме его отца нельзя приписывать особенного влияния на развитие его ума или таланта; но важно то обстоятельство, что с самого малолетства он был в литературном кругу. Рассказывают, между прочим, что однажды, оставив детские игры, ребенок с необыкновенным вниманием слушал рассказы Карамзина; с таким же вниманием слушал он иногда

Дмитриева, читавшего свои басни. Подражая примеру отца девятилетний Александр Сергеевич уже сам писал небольшие французские стихотворения.

Брат Сергея Львовича, Василий Львович, также отчасти способствовал развитию склонности к литературным занятиям в своем племяннике. Василий Львович считался в свое время довольно хорошим поэтом и, радуясь тому, что ребенок выучил наизусть несколько его стихотворений, твердил ему, чтоб он читал русских поэтов. Сближение между дядею и племянником было тем легче, что Василий Львович отличался чрезвычайным простодушием, о котором сохранилось много анекдотов. Из них мы расскажем один, довольно забавный и хорошо показывающий разницу между тогдашним и нынешним временем, — разницу, которая произведена талантом Пушкина.

До появления Пушкина число людей, занимавшихся у нас литературою, было невелико; немногочисленна была и публика, интересовавшаяся их произведениями. При таких обстоятельствах любовь к своему делу охладела бы в большей части писателей, если б они не ободряли и не возбуждали друг друга, соединяясь в тесные приятельские кружки, которые назывались «литературными обществами». В начале нынешнего века в Петербурге было два главных литературных общества: «Беседа любителей русского слова», состоявшая по большей части из людей, не одаренных талантом или уже ослабевавших от старости, и «Арзамас» — общество, составившееся из молодых и даровитых литераторов, которые хотели защищать от нападений «Беседы» Карамзина и Жуковского. Члены «Беседы», привыкнув к старинному слогу, не одобряли ни нового прозаического слога, введенного Карамзиным, ни превосходных произведений Жуковского, который прекрасными стихами переводил стихотворения Шиллера и других немецких и английских поэтов. «Арзамасом» это общество назвалось потому, что поводом к его основанию был шуточный рассказ, в котором осмеивался устарелый язык некоторых литераторов: рассказчик говорил, будто бы однажды, будучи, проездом, в Арзамасе и обедая в тамошней гостинице, он подслушал, как в соседней комнате другой проезжий разговаривал сам с собою, употребляя выражения, вычитанные из некоторых тогдашних книг и журналов: эти смешные и нелепые фразы были выписаны автором рассказа из сочинений писателей, мнения которых он хотел представить в смешном виде. В числе главных членов арзамасского общества были Жуковский, граф Уваров (впоследствии министр народного просвещения) и проч.

Василью Львовичу, который в то время уже не был молодым человеком, но любил молодежь, очень хотелось попасть в арзамасское общество. Члены его, хотя и были приятели Василью Львовичу, вздумали посмеяться над своим пожилым другом, у которого было более добродушия, нежели поэтического таланта,

и объявили ему, что он должен беспрекословно подчиниться церемониям торжественного принятия в общество, если хочет участвовать в его собраниях. Добродушный искатель согласился, и ему устроили следующий прием. Сначала тучный Василий Львович должен был лечь на лавку или диван, и его завалили множеством шуб, под которыми он пролежал час или два, между тем как над ним читали какую-то французскую трагедию; потом страшно измученного страдальца поставили перед огромным чучелом и дали ему в руки замороженного гуся: замороженный гусь — эмблема Арзамаса, сказали ему. В этом забавном положении новопринимаемый должен был выслушать длинную речь, и вдруг чучело упало, и спрятанный за ним мальчик выстрелил из пистолета в Василья Львовича, который в испуге повалился на землю, считая себя уже убитым, хотя, конечно, пистолет был заряжен одним порохом.

Мы рассказываем этот анекдот, как один из примеров, показывающих, что тогда сами писатели смотрели на литературные свои занятия вовсе не с нынешней серьезной точки зрения. Литература тогда была не более, как забавою, приятным отдыхом после разных житейских дел, а не одним из самых важнейших дел, как все думают ныне. В наше время не только лучшие, но и посредственные писатели, собираясь вместе для занятий литературными делами, не будут тратить целый вечер на подобные шутки; да и ни один из людей, называющих себя писателями, не захочет, чтобы с ним шутили таким образом. Все это мы говорим для того, чтобы показать различие между тогдашними и нынешними понятиями. А главным виновником такой перемены был Пушкин: его произведения, возбуждив необыкновенный интерес во всех грамотных русских людях, придали нашей литературе важность, которой она не имела прежде.

Но мы заглянули далеко вперед: надобно возвратиться к детству Пушкина, к рассказу о тех обстоятельствах, которые способствовали быстрому обнаружению его таланта.

Василий Львович, его дядя, играл, как мы видим, не слишком завидную роль в тогдашнем литературном мире; но, тем не менее, он был коротко знаком с лучшими писателями. Отец великого поэта, Сергей Львович, также был приятель со многими из них. Эти отношения не могли бы внушить любви к литературе молодому Пушкину, если бы не была она вложена в него самую природою, не могли бы они доставить ему с первого раза блестящего положения в литературных кружках, если б не давал ему право на то его необыкновенный и очень рано развившийся талант, но, конечно, до некоторой степени, облегчили ему первые шаги на литературном поприще: Карамзин и Жуковский приветствовали гениального юношу тем с большею любовью, что он являлся к ним как человек, носящий фамилию, не чуждую для их слуха.

Из других лиц, близких по родству, особенно много обязан был Пушкин своей бабушке, Марье Алексеевне Ганнибал, которая жила в доме своего зятя, Сергея Львовича. Она учила внука читать и писать по-русски и была вообще очень ласкова к нему. Когда мальчику хотелось избавиться от какого-нибудь принуждения, он бежал к бабушке, садился подле нее, даже залезал в ее рабочую корзину, и по целым часам просиживал с бабушкой, слушая рассказы ее. Марья Алексеевна была женщина умная, много видевшая, много помнившая, и, конечно, многое из ее рассказов осталось навсегда в памяти внука.

Другом детства Пушкина была его сестра, Ольга Сергеевна, которую он нежно любил до конца жизни. Она была только годом старше его, и они вместе учились, вместе играли; ей первой читал десятилетний мальчик первые свои стихи, которые, по примеру отца, сочинял на французском языке; ей посвящено и первое из русских его стихотворений, известных нам: оно написано в 1814 году; молодому поэту не было еще тогда пятнадцати лет. Приведем здесь несколько стихов из этого довольно длинного «послания», драгоценного для нас как первый памятник поэтической деятельности великого писателя. «Ты хочешь, милая сестра, чтоб я писал к тебе», говорит Пушкин:

Ты хочешь, друг бесценный,
Чтоб я, поэт молодой,
Беседовал с тобой
И, с лирою забвенной,
Мечтами окрыленный
Оставил монастырь *
И край уединенный,
Где непрерывный мир
Во мраке опустился...

И я переношусь мыслями к тебе. Что делаешь ты теперь, — продолжает молодой поэт, — читаешь, играешь с своею собачкою или сидишь за фортепьяно?

И вот уж я с тобой.
И в радости немой
Твой друг расцвел душою,
Как ясный вешний день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тень.

Но это лишь одна мечта — она исчезает, и я остаюсь один в своей скучной и пустой комнате. Но время летит, и я скоро примчусь к тебе...

* Монастырем Пушкин называет Лицей, где тогда учился.

И с каменных ворот
Падут, падут запоры
И в пышный Петроград
Через долины, горы
Ретивые примчат,
Спеша на новоселье.

Стихи, нами выписанные, еще слабы в поэтическом отношении, даже в языке, которым они написаны, встречаются устаревшие или неправильные выражения; но «Послание к сестре» должно быть известно каждому из нас, как первое произведение великого нашего поэта.

Мы видели, что отец, дядя и бабушка имели некоторое влияние на детские понятия Пушкина; но сильнее всех содействовала развитию в нем воображения его няня, Арина Родионовна, которой память увековечил ее воспитанник в своих стихах. Арина Родионовна была так привязана к семейству Пушкиных, что, получив отпускную, не хотела ею пользоваться. Александр Сергеевич чрезвычайно любил ее до конца своей жизни и, когда жил в деревне, постоянно беседовал с нею, как с лучшим из своих друзей. Кроме неусыпной заботливости о своем питомце и самой искренней привязанности к нему, она приобрела право на его благодарность особенно тем, что своими неистощимыми рассказами познакомила его с русскою народною словесностью. Арина Родионовна знала бесчисленное множество сказок и умела прекрасно их пересказывать. Некоторые из лучших произведений Пушкина взяты из этого запаса, например, прекрасное его стихотворение «Жених», заимствованное из предания о том, как девушка, заблудившись в лесу, забрела в притон разбойников и, спрятавшись под лавку, видела их злодейства, а потом узнала атамана разбойников в своем женихе и уличила его:

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на двор на третью ночь
Без памяти вбежала.
С вопросами отец и мать
К Наташе стали приступать.
Наташа их не слышит,
Дрожит и еле дышит... и пр.

Вообще очень многие описания русских народных нравов и обычаев не были бы у Пушкина так живы и хороши, если бы он не был с детства пропитан рассказами из народной жизни. Зато он вспоминает о своей няне очень часто, и всегда с самою трогательною любовью. Он называет ее своею первою музою, то есть говорит, что ее рассказами были навеяны первые его стремления к поэзии:

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,

Во дни утех и снов первоначальных.
Я ждал тебя. В вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремушкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила...

Вот одно из писем, которые посылала старая няня своему воспитаннику, уже славному поэту:

«Любезный мой друг Александр Сергеевич! Я получила письмо и деньги, которые вы мне прислали. За все ваши милости я вам всем сердцем благодарна, вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только когда засну, забуду вас. Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское — всех лошадей на дорогу выставлю. Я вас буду ожидать и молить бога, чтоб он дал нам свидеться. Прощай, мой батюшка Александр Сергеевич! За ваше здоровье я просвиру вынула и молебен отслужила. Поживи, дружок, хорошенько — самому слюбится. Я, слава богу, здорова; цалую ваши ручки и остаюсь вас многолюбящая няня ваша Арина Родионовна».

Растроганный до глубины души этою простодушною заботливостью няни о том, чтобы питомец ее «жил хорошенько», этою умилительною любовью, Пушкин пишет:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня!..
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствие, заботы
Теснят твою всечасно грудь...

Особенно много воспоминаний в душе Пушкина оставили беседы с нянею в 1825 и 1826 годах, когда он совершенно один жил в селе Михайловском и длинные зимние вечера проводил в разговорах с нянею, которая разделяла его одиночество: то она пересказывала ему «преданья старины глубокой», — и в бумагах Пушкина сохранилось несколько сказок, записанных с ее слов, между прочим, сказки «О царе Салтане», «О мертвой царевне и семи богатырях», «О купце Остолопе и работнике его Балде», которые потом были переложены им в стихи, — то он сам читал ей свои произведения: пусть другие поэты читают кому угодно свои произведения — говорит он в IV главе «Онегина», вспоминая об этих вечерах —

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне.
Подруге юности моей.

Арина Родионовна умерла семидесятилетней старушкой, в 1828 году, в самую блестящую эпоху восторга, возбужденного произведениями ее питомца.

ГЛАВА III

Детство до семи лет и лень, которою в эти годы отличался гениальный ребенок. — Учителя и гувернеры Пушкина. — Шиллер, учивший Пушкина русскому языку. — Степень успехов Пушкина в науках. — Страсть к чтению. — Детские произведения. — Лицей. — Лицейские журналы. — Дельвиг. — Державин и торжественный акт 1815 года.

До семи лет будущий поэт не обнаруживал ни особенных дарований, ни даже той живости, которою бывают привлекаемы почти все дети. Он был ребенком толстым, неповоротливым, ленивым, так что неподвижностью своею приводил в отчаяние родных. Гулять и играть его заставляли почти насильно; он не любил ни бегать, ни резвиться: сидеть или лежать было единственным его наслаждением. Ленивость толстого ребенка была так велика, что однажды, когда старшие взяли его с собою на прогулку, он незаметно отстал от общества и уселся отдыхать среди улицы. Кто-то смотревший из окна соседнего дома увидел эту смешную сцену и улыбнулся. «Ну, нечего скалить зубы!» с досадою сказал ребенок и встал; а без этой помехи он, вероятно, просидел бы долго.

Между тем, принялись учить его. Гувернеров, гувернанток и учителей было много; но, при ленивости и неповоротливости ребенка, учебные его дела шли довольно плохо и очень медленно. Главный надзор за воспитанием был поручен французу-эмигранту, графу Монфору; кроме того, был другой гувернер француз, Руссло. При их помощи Пушкин сделал навик говорить и писать по-французски так же легко, если еще не легче, нежели по-русски. Впрочем, мудрено было бы не сделать этого навыка, потому что в семействе Сергея Львовича, как и почти во всех тогдашних знатных домах, совершенно господствовал французский язык. Зато по-английски — в числе гувернанток была и англичанка — Пушкин учился очень плохо. Этот язык он только впоследствии, будучи уже взрослым мужчиною, узнал настолько, что мог читать английские книги; по-немецки старался он вовсе не учиться и успел в этом, но потом очень жалел о незнании немецкого языка. Стоит, по странности случая, заметить то, что русскому языку учил молодого Пушкина немец, фамилия которого была — Шиллер.

В самом деле, довольно забавно, что величайшего из русских поэтов родному его языку учил иностранец, и еще забавнее, что этому иностранцу случилось быть однофамильцем гениального немецкого поэта. Есть люди, которые из каждого случайного совпадения имен или чисел готовы выводить необыкновенно важные заключения и предзнаменования. Им не мешало бы приложить свои толкования к этому случаю. Мы не станем заниматься каламбурами и скажем только, что г. Шиллер, если и превосходно знал по-русски, не многому мог научить Пушкина, потому что мальчику и его сестре, воспитывавшимся вместе, все остальные предметы преподавались, по тогдашнему обычаю, на французском языке, и даже говорить между собою и со старшими заставляли детей по-французски. Однако же, как показал опыт, это нисколько не помешало Пушкину остаться чисто русским человеком и писать по-русски так, как не писал до него еще никто.

Вообще, учебные занятия Пушкина и в отцовском доме, и в Лицее, куда он поступил потом, не сопровождались особенно блестящими успехами, и то, что говорит он о Евгении Онегине, относится и к самому поэту, представляя верный очерк тогдашнего воспитания детей в так называемых «хороших фамилиях»:

Судьба Евгения хранила:
Сперва madame за ним ходила,
Потом monsieur ее сменил.
Ребенок был резов, но мил.
Monsieur L'Abbé * француз убогой,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя.
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил
И в Летний Сад гулять водил.
.....
Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал,
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно.
Чего ж вам больше? — Свет решил,
Что он умен и очень мил.
.....
Мы все учились понемногу,
Чему-нибудь и как-нибудь:
Так воспитаньем, слава богу,
У нас не мудрено блеснуть.

Для довершения сходства с этим очерком надобно заметить, что Пушкин с семи лет сделался мальчиком бойким, живым, развязным; прежняя застенчивость и вялость уступили место резвости, которая часто доходила до шаловливости. Одно только сохранилось в нем неизменным: как ученик, Пушкин всегда, до самого окончания курса в Лицее, был довольно ленив.

* Господин аббат.

Но если так, то каким же образом успел он приобрести многосторонние познания, без которых невозможно сделаться хорошим литератором? Дело в том, что Пушкин не любил только учить уроков, которые было надобно каждый день готовить к завтрашним классам; а любознательности было в нем очень много. Страсть к чтению развилась в нем рано — лет с восьми или девяти. Будучи воспитан на французском языке, он принялся, разумеется, за французские книги, которых у его отца было очень много: Сергей Львович, большой любитель французской литературы, имел хорошую библиотеку. Он старался поощрять в детях любовь к книгам и часто читал вместе с ними лучшие, по его мнению, сочинения, особенно Мольера, которого, говорят, знал почти наизусть. Сын его бросился на книги с жадностью, читал без усталы день и ночь и, при необыкновенной своей памяти, на одиннадцатом году был, по выражению дяди, Василья Львовича, уже отличным знатоком французской литературы.

Страсть к чтению сохранилась у Пушкина до конца жизни. Редко можно встретить человека, который бы прочел так много книг, как он. Потому и не удивительно, что он был одним из самых образованнейших людей своего времени, хотя в школе и считался посредственным учеником. Не с одним Пушкиным было так: люди с блестящими способностями часто пренебрегают школьным преподаванием, которое кажется для них слишком медленно или не касается предметов, особенно интересующих их ум. Только внимательная и нежная заботливость отца или матери может предохранить их от пренебрежения школьными занятиями, или — но это уже особенно счастливый и редкий случай — какой-нибудь талантливый и любящий наставник заставляет их шаг за шагом идти вперед, не оставляя позади ничего не изученным основательно. И счастлив бывает даровитый юноша, если найдет себе в родителях или наставнике такого любимого руководителя: его образование будет тогда не только обширно, но и основательно — у него будут все познания, нужные человеку для того, чтобы составить себе прочные и благородные убеждения, то есть применять отношения всего, о чем случится ему судить, к понятиям справедливости и добра. Иначе он узнает многое, но в числе этого многого больше будет неважного и излишнего, нежели необходимого для истинной образованности, которая состоит в том, чтобы обо всем, что делается в мире, уметь судить, как должно судить человеку просвещенному и благородному.

В произведениях Пушкина мы находим доказательства того, что он был человек с большою начитанностью; но если бы он вместе с этою начитанностью обладал большею основательностью в своих понятиях о многих важных вопросах человеческой жизни, то, без сомнения, достоинство его творений было бы еще выше.

Не от Пушкина зависело, что он не получил образования более солидного; не он был виноват, что его любознательность с самого начала не нашла умного и вполне образованного руководителя, который воспользовался бы ею, чтобы поставить учебные понятия Пушкина на высоту, соответственную величию его таланта. Но, к чести нашего поэта, должно сказать, что, достигнув лет, когда человек начинает сам располагать своими действиями, он неутомимо старался вознаградить потерянные годы и чрезвычайно ревностно трудился над собственным образованием. Он учился всю свою жизнь.

Вместе с любовью к чтению в ребенке обнаружилась и страсть к авторству. Мы говорили, что он начал сочинять стихи, когда ему было не более 9-ти или 10-ти лет и, по примеру отца, сначала писал на французском языке; вероятно, также пример отца внушил ему особенную любовь к Мольеру, и в числе первых произведений Пушкина были небольшие французские комедии, сочиненные по образцу мольеровых. Он читал их сестре. К сожалению, эти первые опыты не дошли до нас. Сохранилась в памяти его сестры только эпиграмма, которою он сам посмеялся над одною из своих комедий, «L'Escamoteur», которая не понравилась его слушательнице:

Dis-moi, pourquoi l'Escamoteur
Est-il sifflé par le Parterre?
Hélas, c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière *.

Кроме небольших комедий, Пушкин писал басни и наконец вздумал сочинить эпическую поэму в шести песнях. Сюжетом он выбрал войну карликов и карлиц при старинном французском короле Дагобере. Карлик Толи, влюбленный в карлицу Нитушь, победив соперников, должен был получить руку миньятюрной красавицы. Но эта поэма погибла, еще не достигши конца: одна из гувернанток заметила тетрадь, над которою прилежно трудился молодой автор, унесла ее и отдала гувернеру, жалуясь на непослушного мальчика, который «проводит время за сочинением подобных пустяков». Гувернер начал читать «Толиаду», как называлась поэма по имени своего героя, и расхохотался. Оскорбленный автор вырвал у него тетрадь и бросил в топившуюся печь.

Мальчику исполнилось двенадцать лет, и родители начали думать, что пора отдать его в какое-нибудь училище. Особенно славился тогда существовавший в Петербурге иезуитский коллегийум, и Сергей Львович поехал в Петербург, чтобы поместить

* Скажите, за что партер освистал «Похитителя»? за то, что бедный автор похитил его у Мольера, — Пушкин, читая свои комедии, воображал, что они разыгрываются на сцене, и сестра была для него «публикою» и «партером», решающим успех или падение пьесы.

сына в это заведение. Но в то самое время правительство объявило об открытии высшего училища для дворян — Царскосельского лицея. Директором этого учреждения назначен был один из друзей Сергея Львовича, и двенадцатилетний Пушкин был принят в число воспитанников Лицея.

Годы, проведенные в Лицее, остались навсегда лучшими годами жизни в памяти Пушкина: в Лицее развился его поэтический талант, в Лицее он встретил друзей, особенно Дельвига, которого всегда чрезвычайно уважал и любил. Воспитанники, удаленные от столицы, принужденные довольствоваться собственным обществом, скоро свыклись между собою и на всю жизнь остались людьми, близкими друг другу. Но, кажется, ни в одном из них эти юношеские чувства не остались так живы, как в Пушкине. Его лирические стихотворения и «Евгений Онегин» наполнены воспоминаниями о Царском Селе и Лицее. Несколько прекраснейших стихотворений его написаны в память годовщины открытия Лицея.

В Лицее, точно так же, как и дома, Пушкин не слишком прилежно готовился к урокам и, несмотря на чрезвычайно сильную память и блестящий ум, считался посредственным учеником. Но, независимо от школьного преподавания, он читал очень много книг по всеобщей истории, французской и русской словесности. Потому шесть лет (1811—1817), проведенные им в Лицее, были для него не бесполезны и в отношении умственного образования. Что же касается поэтического его таланта, он развивался в это время очень быстро и уже начинал приобретать известность.

Между товарищами Пушкина была довольно сильна любовь к литературным занятиям: многие писали стихи, другие переводили разные прозаические статьи с иностранных языков; молодые литераторы начали даже издавать рукописные журналы. К сожалению, тетради эти, столь интересные, затеряны и известны нам только по заглавиям. Так, один журнал назывался «Лицейский мудрец», другой — «Неопытное перо», третий «Пловцы» и проч.

В первые годы своей лицейской жизни Пушкин попрежнему писал стихи на французском языке и только около 1814 года начал писать и по-русски. Мы привели отрывки из «Послания к сестре», первого русского его стихотворения, дошедшего до нас. Но оно не было напечатано. Первым из появившихся в печати произведений его было довольно длинное послание «К другому-стихотворцу», написанное в сатирическом духе, по образцу множества подобных стихотворений того времени: послания были тогда в моде. Оно напечатано в московском журнале «Вестник Европы» 1814 года, в восьмой книжке². После того стихотворения Пушкина начали появляться в журналах довольно часто и скоро обратили на себя внимание легкостью языка, с которою часто соединялось и поэтическое достоинство мысли и картин.

Многие из товарищей сначала не любили Пушкина за его эпиграммы: он тогда уже отличался остроумием и за каждое оскорбление расплачивался колким стихом, которого боялись не одни его сверстники, но и люди гораздо старше его летами. Довольно долго эта легкая вражда мешала даже единодушному согласию товарищей в том, что Пушкин превосходит их всех поэтическим талантом. Но, ближе познакомясь с молодым поэтом, все полюбили его, потому что в душе Пушкин был очень добр и чрезвычайно благороден. Известность, которую приобрел он в литературе, убедила всех в несомненности его дарования, и в последнее время лицейской жизни Пушкин пользовался уже между товарищами громкою славою.

Из всех товарищей Пушкин особенно был дружен с бароном Дельвигом, привязанность к которому не ослабела в нем до самой смерти Дельвига и доставила Дельвигу большую известность, как превосходному поэту; только после смерти Пушкина, когда уже некому было превозносить до небес стихи Дельвига, публика убедилась, что этот поэт не отличался замечательным талантом. Но Пушкин так сильно был ему предан, что искренно считал его великим поэтом, и влияние Пушкина на мнение публики было так сильно, что почти все верили этому. На самом же деле барон Дельвиг заслужил дружбу Пушкина своею любовью к поэзии и тем, что великий поэт мог откровенно и не без пользы говорить с ним о своих произведениях, как с человеком образованным и не лишенным вкуса.

Из событий лицейской жизни ярче всего остался в памяти Пушкина торжественный акт 1815 года, который был почтен посещением Державина, с одобрением выслушавшего стихотворение молодого поэта: «Воспоминания в Царском Селе». Вот как рассказывает об этом случае сам Пушкин:

«Державина видел я только раз в жизни, но никогда того не забуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дожидаться его и поцеловать руку, — руку, написавшую «Водопад» *. Державин приехал... Он был очень стар... Экзамен наш очень его утомил: он сидел поджав голову рукою; глаза его были мутны, губы отвисли. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен русской словесности. Тут он оживился: глаза заблестали, он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостью необыкновенною. Наконец вызвали меня. Я прочел мои «Воспоминания в Ц. С.», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояние души моей: когда

* Ода эта, написанная Державиным под влиянием известия о смерти Потемкина-Таврического, принадлежит к числу лучших произведений Державина.

я дошел до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой от-
роческий заэвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом.
Не помню, как я кончил свое чтение; не помню, куда убежал.
Державин был в восхищении: он меня требовал, хотел меня
обнять... Меня искали, но не нашли...»

После экзамена, на обеде, граф Разумовский, бывший в то
время министром народного просвещения, поздравляя Сергея
Львовича с успехами сына, прибавил: «Однако же, я желал бы
обратить вашего сына к прозе».

— Оставьте его поэтом! — с необыкновенным жаром сказал
Державин.

Об этих отношениях своих к Державину Пушкин упоминает
в превосходных стихах «Евгения Онегина», где рассказывает
судьбу своей музы (то есть своего поэтического дарования):

И свет ее (музу) с улыбкой встретил;
Успех нас первый окрылил;
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил...

Но вот приблизилось время окончания курса (9 июня 1817 го-
да). Пушкин был выпущен с чином десятого класса и через три
дня определен в Коллегию иностранных дел. Молодой человек
тотчас взял отпуск и поехал в село Михайловское, к своему се-
мейству.

Надобно заметить, что пока Пушкин был в Лицее, его родные
переселились из Москвы в Петербург и летом переезжали жить
в село Михайловское, находящееся в Псковской губернии. Пуш-
кин до 1820 года, когда должен был уехать на юг России, каждое
лето проводил также в Михайловском.

ГЛАВА IV

Пушкин в светском обществе. — Первая его поэма: «Руслан и Людмила». —
Пушкин в Бессарабии, в Одессе, на Кавказе, в Крыму. — Поэмы его:
«Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы» и «Братья
разбойники».

По возвращении в Петербург после отдыха в деревне, Пушкин
вошел в круг светской жизни: веселый и живой характер его про-
являлся тогда во всей силе; но в то же время он не покидал своих
литературных занятий, был принят в число членов Арзамасского
общества, о котором мы говорили, и в 1819 году написал первую
из своих больших поэм «Руслана и Людмилу», которая просла-
вила его имя и по прочтении которой Жуковский подарил ему
свой портрет с надписью: «Ученику-победителю от побежденного
учителя».

Ныне всякий хорошо видит, что эта поэма имеет множество

недостатков; но в то время она, действительно, была необыкновенным явлением по чрезвычайной легкости стиха и по прекрасному языку. Все, что было написано прежними нашими поэтами, казалось тяжелым и неизящным в сравнении с поэмою Пушкина; потому вся публика прочла ее с необыкновенным восторгом. Содержание этой повести в стихах состоит в том, что Руслан, древний русский богатырь, отыскивает свою невесту, Людмилу, которую похитил волшебник Черномор.

Вскоре по окончании «Руслана и Людмилы» Пушкин был послан в Бессарабию и оставался на юге России с 1820 до 1824 года³. Сначала прибыл он в Екатеринославль, где занемог, так что должен был ехать на Кавказские Минеральные Воды. Когда его здоровье поправилось, он поехал с Кавказа в Крым, осмотрел южный берег его, богатый живописными видами, посетил Бахчисарай, бывшую столицу крымских ханов, и в сентябре 1820 года приехал жить в Кишинев. В конце этого года он ездил в Киев и, по возвращении в Кишинев, окончил (в начале 1821 года) свою поэму «Кавказский пленник», начатую за несколько месяцев. Она написана под влиянием впечатлений, произведенных на поэтическое воображение Пушкина величественною горною природою, и лучшее достоинство ее составляют превосходные и живые картины Кавказа. Вместе с тем на ней отразилось влияние английского поэта Байрона, произведениями которого восхищалась тогда вся Европа. Пушкин был в то время еще так молод, что неудивительно, если и он подчинялся общему увлечению. Характер в человеке образуется мало-помалу, житейскою опытностью, и Пушкин после «Кавказского пленника» писал еще несколько лет, увлекаясь влиянием Байрона. Байрон — поэт чрезвычайно грустный. В поэмах Пушкина, писанных в байроновском духе, также отразилась отчасти эта грусть, но гораздо слабее, нежели у английского поэта, потому что в сущности она противоречила природному расположению Пушкина, скорее наклонного к беззаботности, любившего жизнь и ее удовольствия, доброго и снисходительного.

В Кишиневе же, в 1822 году, была написана и третья поэма Пушкина «Бахчисарайский фонтан», заключающая в себе воспоминания о Крыме, как воспоминания о Кавказе были высказаны поэтом в «Кавказском пленнике». С каким восторгом были приняты публикою оба эти произведения, можно судить по тому, что через них Кавказ и Крым стали знакомы каждому русскому, между тем как прежде понятия о природе этих стран были почти у всех очень неопределенны.

В половине следующего года Пушкин был переведен на службу в Одессу, где прожил около года. Здесь он начал писать свой роман в стихах «Евгений Онегин», который окончен был уже через несколько лет. Мы скажем об этом произведении после. В Одессе также была написана поэма «Цыганы», в которой осо-

бенно хороши описания кочевой жизни цыган. Содержанием этому произведению послужили так же, как и прежним, воспоминания поэта: когда он ездил по Бессарабии, то часто имел случай близко присмотреться к цыганскому быту, а однажды даже посвятил этим наблюдениям несколько дней.

На юге России, именно в Кишиневе, написан Пушкиным также отрывок из поэмы, напечатанный под заглавием «Братья разбойники». Остальные части этой недописанной поэмы автор уничтожил, будучи ею недоволен; а напечатанный отрывок уцелел случайно в руках одного из приятелей автора. Содержание для рассказа взято из анекдота о том, что два колодника, скованные вместе, переплыли через реку. Если это и действительно было, то все-таки остается случаем почти невероятным; а поэтические произведения хороши тогда, когда, прочитав их, каждый говорит: «да, это не только правдоподобно, но иначе и быть не могло, потому что всегда так бывает».

ГЛАВА V

Возвращение Пушкина в село Михайловское, потом в Москву и Петербург. — Трагедия «Борис Годунов». — Поэма «Полтава». — Роман в стихах «Евгений Онегин». — Путешествие в Арзерум. — Драматические произведения. — Женидьба Пушкина. — Он поселяется в Петербурге. — Повести в прозе: «Дубровский» и «Капитанская дочка». — Поэма «Медный всадник».

В июле 1824 года Пушкин был возвращен из Одессы в свое село Михайловское, где и прожил два года. Здесь-то, будучи почти постоянно одинок, он чрезвычайно много читал и писал. Время, проведенное в Михайловском, было в литературном отношении самою деятельною порою его жизни. Здесь написал он несколько глав «Евгения Онегина» и трагедию «Борис Годунов».

С этого времени в произведениях Пушкина уже не заметно увлечения Байроном, под влиянием которого задуманы прежние его поэмы. Напротив, Пушкин проникся особенною любовью к Шекспиру, величайшему из всех драматических писателей, и, отчасти в подражание драмам Шекспира из английской истории, написал своего «Бориса Годунова», в котором довольно близко держался рассказа Карамзина; «незабвенной памяти» Карамзина и посвящена эта драма. До сих пор она остается единственным в своем роде творением в русской литературе. Пушкин преимущественно на «Борисе Годунове» основывал свою славу, потому что очень долго и внимательно занимался этим произведением.

В сентябре 1826 года Пушкин был возвращен в Петербург, где с того времени и жил почти постоянно, уезжая, впрочем, каждый год на лето и осень в село Михайловское, где написал большую часть своих следующих произведений. Но в 1826 году из Михайловского он проехал прежде в Москву, где его встретили

с восторгом и где он прожил до весны 1827 года. Семь лет уже не бывал он в светском обществе, и от долгой разлуки оно получило для него новую прелесть. Лето провел он в Петербурге, а на осень уединился в свое Михайловское.

В 1828 году написал он, менее, нежели в месяц, поэму «Полтава», существенным содержанием которой, как видно уже из заглавия, служит борьба Петра Великого с Карлом XII. Уже прежде этого времени Пушкин с особенною любовью занимался изучением эпохи Петра Великого и еще в предыдущем (1827) году начал большой роман «Арап Петра Великого», в котором, как мы видели, главным лицом хотел выставить своего прадеда Ганнибала. Роман этот остался неоконченным. Позднее Пушкин написал поэму «Медный всадник», посвященную прославлению памяти державного основателя Петербурга, и это лучшая из его поэм. Кроме того, в последние годы своей жизни он почти исключительно занимался собиранием материалов для истории Петра Великого.

В 1829 году он испросил разрешение сопровождать нашу армию в победоносном походе против персиян и, проехав через Тифлис, присоединился к войску на берегу Карса-Чая и видел взятие Арзерума. Памятником этой поездки осталось «Путешествие в Арзерум».

Осенью 1830 года Пушкин дописал «Онегина», который был начат за семь лет. Роман этот был издаваем в свет отдельными главами, и первые три главы, изданные в 1825 году, произвели необыкновенный восторг в публике. Многие так восхищались этим романом, что выучили его наизусть. Главное достоинство «Евгения Онегина», кроме превосходных стихов, состоит в том, что он чрезвычайно верно изображает нравы русского общества. Теперь мы имеем довольно много произведений, более или менее отличающихся этим достоинством, хорошая повесть из русских нравов ныне уже не редкость; но «Евгений Онегин» в свое время был неслыханною и небывалою редкостью. Мы говорили о содержании поэм, писанных Пушкиным до «Онегина»: могут ли они назваться картинами наших нравов? В одной из них изображаются черкесы и Кавказ, в другой — татары и Крым, третья — сказка о приключениях богатырей или витязей. Таковы же были и все почти произведения русской литературы до появления «Онегина». Они отличались от поэм Пушкина только тем, что были написаны не так хорошо, но так же мало изображали нравы и быт русского общества, как и «Кавказский пленник» или «Бахчисарайский фонтан». Исключение остается очень за немногими — за комедиями Фонвизина «Бригадир» и «Недоросль» и за комедиею Грибоедова «Горе от ума». Но «Горе от ума» тогда еще не было напечатано, а комедии Фонвизина не ценились по достоинству, между прочим, оттого, что язык их считался слишком устаревшим. Кроме того, роман

Пушкина написан в повествовательной форме, которая гораздо легче для чтения, нежели драматическая. «Евгений Онегин» был первым романом, изображавшим — и превосходно изображавшим — современное русское общество. Успех его был, можно сказать, беспрецедентен в русской литературе, а влияние и на развитие литературы и на понятия публики огромно.

Осень этого года провел Пушкин в своем селе Болдине (Нижегородской губернии), где написал, кроме последних двух глав «Онегина», большую часть своих драматических произведений, именно: «Скупого рыцаря», «Каменного гостя», «Пир во время чумы» и «Моцарт и Сальери». В Болдине также были написаны повести, изданные под именем «Повестей Белкина». Они были первыми сочинениями в прозе, которые напечатал Пушкин, и уступают в достоинстве другим его прозаическим произведениям. «Скупой рыцарь» и «Сцены из рыцарских времен», написанные превосходно, изображают нравы средних веков, а «Каменный гость» — старинные испанские нравы. В этих произведениях верность всех подробностей тому веку и той стране, к которой относятся действие, так же удивительна, как и поэтическое достоинство.

В начале 1831 года Пушкин, находившийся тогда в Москве, был чрезвычайно опечален известием о смерти самого любимого из его друзей, Дельвига.

18 февраля того же года он женился на Н. Н. Гончаровой. Брак был совершен в Москве, где жило семейство невесты. Он прожил в Москве до весны, потом повез свою супругу в Петербург и поселился на лето в Царском Селе.

С этого года начал он заниматься собиранием материалов для истории Петра Великого. Ему было разрешено пользоваться для того государственными архивами, и он деятельно работал в них. Смерть прервала обширный труд Пушкина, когда он еще только хотел приступить к обработке собранных фактов.

В 1833 году были написаны Пушкиным: повести в прозе «Дубровский» и «Капитанская дочка» и драматическое произведение в стихах «Русалка», оставшееся после его смерти неоконченным. Содержание «Русалки» взято из сказочного мира, как содержание «Руслана и Людмилы»; но между тем как «Руслан и Людмила» только по заглавию относится к старинной русской жизни, а на самом деле очень мало проникнута духом нашей старины, в «Русалке» многие сцены превосходно изображают старинную нашу жизнь в ее истинном виде.

«Дубровский» и особенно «Капитанская дочка» должны называться лучшими из прозаических повестей Пушкина. «Дубровский» изображает быт наших помещиков в начале нынешнего столетия, а «Капитанская дочка» — эпоху пугачевского бунта, историю которого Пушкин занимался в это время.

В 1833 году написана Пушкиным одна из лучших его поэм —

«Медный всадник», сюжетом которой послужило ужасное наводнение, бывшее в Петербурге 7 ноября 1824 года, а героем ее Пушкин сделал Петра Великого, памятник которого, «Медный всадник», в его картине наводнения величественно возвышается над волнами и умиряет их.

В 1836 году Пушкин начал издавать журнал «Современник», который по смерти основателя продолжал издаваться его друзьями, в том числе Жуковским, князем Вяземским и г. Плетневым, а впоследствии одним г. Плетневым и который, под другою редакциею, существует до сих пор.

ГЛАВА VI

Смерть матери Пушкина. — Тоска овладевает поэтом. — Он желает умереть. — Дуэль. — Кончина Пушкина. — Пенсия его семейству. — Памятник его. — Характер Пушкина. — Его привычки.

В 1836 году Пушкин был огорчен кончиною матери, Надежды Осиповны. Проводив ее тело в Святогорский Успенский монастырь (в Опочковском уезде Псковской губернии), он, как бы предчувствуя близкую смерть, условился с начальством монастыря, чтоб и ему была приготовлена могила рядом с тем местом, где положена была его мать.

В самом деле, он не долго пережил это время. В напечатанных до сих пор биографиях поэта не объяснены удовлетворительно причины, заставившие его не дорожить, даже тяготиться жизнью. Но вообще можно сказать, что ее последнее время было наполнено разными огорчениями, которых не в силах был переносить великий наш писатель, одаренный живым и нетерпеливым характером. Он сам, кажется, знал, что так или иначе, но скоро расстанется с жизнью. Рассказывают, между прочим, следующий случай, обнаруживающий, что уже за несколько месяцев до смерти Пушкин тосковал и чувствовал тяжесть на душе. Товарищи Пушкина по Лицею каждый год собирались 19 октября, в годовщину основания Лицея, чтобы вспоминать о прошлом и проводить этот день по-товарищески. Пушкин часто писал к этому собранию стихотворения. Так он сделал и в 1836 году, но не успел совершенно окончить и обделать своего стихотворения к 19 октября и в кругу собравшихся товарищей извинялся, что прочтет им неоконченную пьесу. Помолчав немного, он вынул лист бумаги и начал:

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался...

Но голос его задрожал, и слезы показались на глазах при этих словах. Он положил бумагу на стол, ушел в угол комнаты и сидел

там молча. Другой товарищ прочитал его последнюю лицейскую годовщину.

Душевные беспокойства тяготили Пушкина до такой степени, что он искал смерти и по одному недоразумению, которое можно было устранить, если бы Пушкин дорожил собою, вышел на дуэль с французским подданным Дантесом, жившим тогда в Петербурге. Дуэль была 27 января 1837 года. Пуля противника смертельно ранила нашего великого поэта, и, после ужасных страданий, Пушкин скончался 29 января, в три четверти третьего часа пополудни. Последние часы его жизни подробно описаны Жуковским.

Неожиданная и слишком ранняя смерть Пушкина поразила горестью всех, кто сколько-нибудь любил русскую литературу, которая лишилась величайшего из всех писателей, какие только являлись в ней до того времени. Печальная толпа день и ночь наполняла комнату, в которой стояло тело Пушкина; общая печаль соединила у гроба его людей всех состояний, всех званий, всех степеней образованности.

Согласно желанию покойного, тело его было, по высочайшему повелению, отвезено для погребения в Святогорский Успенский монастырь, где приготовил он себе могилу подле матери, и на похороны его было пожаловано императором 10 000 рублей ассигнациями.

Святогорский монастырь находится в четырех верстах от любимого Пушкиным села Михайловского. Над могилою его поставлен памятник из белого мрамора, на четырехугольном пьедестале, сделанном наподобие древних гробниц. На памятнике простая надпись: «Александр Сергеевич Пушкин». Площадка могилы, начинающая зарастать деревьями, находится близ церкви монастыря, по левую сторону алтаря.

По высочайшему повелению, долг Пушкина казне был снят с его имени; супруге поэта была назначена пенсия в 5 000 рублей ассигн. и, кроме того, детям его в 6 000 рублей. На издание сочинений Пушкина пожаловано 50 000 рублей.

Нам остается сказать несколько слов о Пушкине, как человеке. Основными чертами его характера были благородство, мягкость и живость. Благородство было дано ему природою и развито образованностью. Он хотел быть не только чист от всего, что признавал низким или дурным, но держать себя так, чтобы никто не имел права сказать о нем что-нибудь дурное, по его мнению. Потому каждая клевета глубоко огорчала его, как бы ни была глупа и нелепа. Даже причиною его смерти надобно считать то, что в последние годы недоброжелатели его начали распускать относительно его разные пошлые выдумки: щекотливое чувство собственного достоинства в нем было оскорбляемо, он не мог выносить клеветы с тем равнодушием, какого она заслуживает, и жизнь стала для него тяжела. Имея привычки луч-

шего общества, будучи светским человеком в полном смысле слова, он был очень обходителен и любезен в обществе; но в то же время, постоянно опасаясь несправедливых толков, он старался быть осторожным, и иногда это доводило его до некоторой скрытности даже с коротко знакомыми. Впрочем, при живости своего характера, он не мог выдерживать этой роли и, забывая о ней, обнаруживал свои истинные мысли и чувства. Как все добрые и вместе живые люди, он был вспыльчив; но гнев скоро уступал место обыкновенной его кротости и мягкости. Все, что встречалось ему в жизни, чрезвычайно сильно действовало на его восприимчивую натуру; даже мелочи, на которые другой не обратил бы внимания, очень часто производили на него глубокое впечатление. О нем более, нежели о ком-нибудь, можно сказать, что он жил впечатлениями, которые приносила настоящая минута. Переходы от грусти к веселости, от уныния к беззаботности, от отчаяния к надежде были у него часты и очень быстры. В одном он оставался всегда неизменен — в привязанности к людям, которых раз полюбил: трудно найти человека, который был бы таким верным и преданным другом, как Пушкин.

Пушкин хотел быть и был светским человеком, но привычки его всегда были просты. И в жизни он не любил изысканности, принуждения, искусственности, как не любил их в литературе. Он не терпел ни картин, ни других украшений в своем кабинете, и когда, на время приезжая в Петербург, останавливался в гостинице, то выбирал скромную квартиру. До сих пор еще мы не имеем подробных рассказов о том, как любил он проводить время по возвращении из Южной России в Петербург; но что касается жизни его в Одессе и Кишиневе и потом в деревне, он сам в общих чертах рассказал ее в «Евгении Онегине». В Одессе и Кишиневе он искал развлечений в обществе, или бродил по окрестностям города, или читал лежа в постели. В самом деле, он так любил резкие переходы из одной крайности в другую, что ему нравилось только или сильное физическое движение, или совершенный покой. Он даже писал первые главы «Евгения Онегина», лежа в постели. В деревне он вставал рано и тотчас же отправлялся в речку купаться, если дело было летом, а зимою перед завтраком брал ванну со льдом, потом все утро посвящал занятиям, читал или писал. После обеда, если не было гостей, он один играл сам с собою на бильярде, а вечера проводил в нескончаемых разговорах с своею нянею. Страсть много ходить пешком не покидала его и в столице: так, иногда он ходил пешком из Петербурга в Царское Село; а когда он в последнее время жил на даче на Черной Речке и, занимаясь собиранием материалов для истории Петра Великого, должен был каждый день посещать архивы, то всегда ходил с дачи в город и возвращался на дачу пешком.

Вообще Пушкин был очень крепкого сложения. Это не мешало

ему быть мнительным относительно здоровья, и в молодости он воображал себя страждущим чахоткою, воображал даже, что чувствует признаки аневризма в сердце.

Он не был красив лицом; только черные курчавые волосы и блестящие, полные огня и ума глаза его были хороши. Но когда его лицо одушевлялось, в увлечении разговора, он был прекрасен.

Заключим эту характеристику чертою, относящуюся к литературе. Теперь великий писатель и у нас, как везде, гордится своим званием писателя. Не так было в то время, когда явился Пушкин, и до конца жизни сохранилась в нем привычка молодости — думать, что имя великого поэта не составляет его самого неоспоримого права на высокое место в обществе. Он даже не любил, чтобы его считали писателем, и это было довольно понятно, потому что только после него научилось русское общество высоко уважать поэтов. Но он любил ободрять молодых писателей, в которых замечал талант. Губер, один из хороших поэтов своего времени, сохранил для нас воспоминание о том, какое живое участие принял в нем Пушкин, когда узнал, что Губер, тогда бедный и неизвестный юноша, переводит «Фауста». Гоголь встретил в Пушкине первого ценителя своих произведений, и самым благородным образом выказался в дружбе к Гоголю характер Пушкина, с любовью ставшего советником молодому человеку, который должен был по его смерти стать его преемником в господстве над развитием русской литературы и русского общества.

Все, что мы знаем о Пушкине, как о человеке, заставляет любить его; а великие услуги, оказанные им русской литературе, и поэтические достоинства его произведений, по справедливому замечанию одного из литераторов, писавших о жизни Пушкина, заставляют признаться, что он имел полное право сказать о себе и своих творениях:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный;
К нему не зарастет народная тропа;
Вознесся выше он главою непокорной
Наполеонова столпа.

Нет! весь я не умру: душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит,
И славен буду я доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

• • • • •
• • • • •

И долго буду я народу тем любезен,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что прелестью живой стихов я был полезен
И милость к падшим призывал.